

Р.Б. Садыкова (Казань, КГЭУ)

ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ: СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА

Тема Великой Отечественной войны для нашего народа особая, и как бы дальше не уходили от нас те годы, они от этого не становятся менее значимыми. Среди многочисленных свидетельств о войне важное место занимают письма и воспоминания фронтовиков и участников событий тех лет.

Несмотря на то, что минуло уже почти семь десятилетий с начала одной из самых кровопролитных войн в истории человечества, эта тема по-прежнему привлекает внимание исследователей, которые с помощью вновь открывающихся источников находят в ней новые грани. Архивисты Татарстана также вносят свой посильный вклад в расширение источниковой базы исследований о Великой Отечественной войне. К 65-летию Победы ими был издан сборник документов, в который вошло 201 фронтовое письмо из фондов Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ), архивов муниципальных районов, краеведческих музеев и ряда семейных архивов [1].

В государственных архивах РТ всего хранится более 3 тысяч писем участников войны. Поэтому перед составителями стояла непростая задача по отбору наиболее интересных писем, информативно насыщенных и эмоционально окрашенных. В сборник вошли как письма, написанные родственникам и друзьям, так и письма, направленные в официальные органы. Их авторы – рядовые бойцы и командиры Красной Армии, в том числе известные писатели и поэты Татарстана.

Частные письма позволяют взглянуть на войну глазами ее непосредственных участников. Содержащаяся в них информация существенно дополняет картину тех драматических лет, позволяет яснее представить повседневный круг забот, быт и мироощущение человека в условиях войны.

Письма, адресованные родным и друзьям, носят в основном сугубо личный характер. Несмотря на все трудности войны, в письмах к своим семьям фронтовики оставались любящими и заботливыми мужьями, сыновьями и отцами. Их интересовали здоровье и материальное положение родных им людей, успехи детей в школе, они строили планы на будущую

мирную жизнь: «Мне хочется быть с тобой, сидеть рядом и, обнявшись, разговаривать о настоящем и мечтать о будущем, но этой возможности сейчас нет» [1, с. 101]. «Ночью, когда услышишь в лесной чаще трель соловья, беззаботно поющего свои песни, то на сердце становится очень грустно, вспоминается дом, мать, а твой образ вырисовывается где-то далеко-далеко и хочется спеть слова песни «А над нами бездонное небо...» [1, с. 101]. «Когда появляются минуты ничем не заполненного времени, скучаю о вас, мои родные, и мечтаю, в особенности по ночам, когда не спится, о наших будущих встречах и встрече по окончании войны, рисую их себе в самых радостных красках. Когда удастся что-либо сделать для вас, бываю рад бесконечно. Вот сегодня мне привезли яблок, которые я заказывал купить для вас, и рад, что смогу послать их вам при первой же возможности. Это будет мой подарок вам к великому празднику» [1, с. 144].

В некоторых письмах содержится описание той обстановки, в которой находились бойцы, подробности фронтового быта и повседневной жизни в тылу. Причем эта повседневность стала настолько привычной, обыденной, что притуплялось чувство страха: «Вот уже 2-й месяц я на фронте, время летит незаметно, т.к. оно богато событиями, меняющимися очень быстро. Я работаю инспектором, поэтому часто бываю на переднем крае, в траншеях, в боевых сражениях. Несколько раз бывал под минометным и артиллерийским обстрелом, был под бомбежкой с самолетов. Фронтная жизнь богата неожиданностями. Никто не гарантирован от несчастных случаев, увечий и т.п.» [1, с. 135]. «Вот сейчас начал писать это письмо, сидя на камне под елкой, но пришлось забраться в ровик, т.к. начался сильный артобстрел, но это, конечно, не мешает мне продолжить его... Много приходится переживать трудных минут, часов и даже дней, но это ведь война, а не игрушка» [1, с. 113–114]. «Это было моим боевым крещением. Позже мне приходилось много быть под пулями, но человек – изумительное создание – привыкаешь и к этому» [1, с. 40].

О своих подвигах и боевых наградах авторы писем, как правило, упоминали весьма скромно: «Ну, пару слов о себе. Меня еще представили к правительственной награде, к ордену Славы. Ну, немецких шакалов гоним каждый день беспощадно, так что вы, наверное, читаете газеты и знаете, что происходит на фронтах Отечественной войны» [1, с. 204]. «Теперь немного о себе. Нахожусь я на территории Германии, то есть в логове заклятого врага. Служу в гвардейско-краснознаменной части, которую товарищ Сталин несколько раз отмечал в своих приказах. За боевые подвиги награжден тремя орденами и медалью, а это значит, что достойно служу своей Родине» [1, с. 199].

Война длилась более четырех лет и оставила неизгладимый след в истории многих государств и в судьбах миллионов людей. Однако повседневная жизнь солдат и офицеров не состояла только из боев, походов, ранений. Она была много богаче и разнообразней, а ребят, чья юность пришлось на военные годы, волновало не только то, что происходило на фронте. Очень трогательно письмо бывшего рабочего одного из казанских заводов Владимира Исаева, адресованное девушкам этого завода: «Эх, девушки, девушки, вы даже не знаете, как читаются ваши письма на фронте! Тут пьют каждую букву, а не то что слово, пьют, как человек, которого измучила жажда, и он припал ртом к источнику. С каждой каплей вливаются могучие силы жизни. Когда отогревается сердце, то и шинель, примерзшая к земле, кажется теплой. Когда освежаются чувства, то и палящая жара переносится легче, а усталость смывает, как вешним ливнем. А если нет долго письма или оно неласково, небрежно, с холодком, который сквозит между строк, тогда за пазуху шинели заползает злая обида и точит сердце, как червь яблоко. И какие только мысли тогда не придут в голову! Нет, дорогие, это не сантименты и не слабость! Это жизнь, девушки. Крепок в борьбе, как гранит, наш советский воин. Крепок, как гранит, но это не значит, что он – камень. Он – живой человек... И это прекрасно, и так что я к вам, девушки, с большой просьбой, чтобы вы письма писали как можно чаще своим родным, близким и влюбленным приятелям, которые воюют на полях сражения и стоят за нашу родную родину» [1, с. 174–175]. Нам не известно, ответил ли кто-нибудь Владимиру, дождался ли он теплых слов в свой адрес. Через полгода после написания этого письма Владимир погиб.

Письма бойцов, командиров и политработников, адресованные в партийные, комсомольские и государственные органы и учреждения, существенно отличаются от частных писем. В них авторы, как правило, обращались с просьбами об улучшении материального положения, жилищных и бытовых условий семей, об оказании содействия в розыске родственников, определении детей в детские учреждения, а также благодарили за оказанную семьям помощь: «Если бы вы знали, какое чувство благодарности было у меня на душе к Вам, товарищ Роцин, когда я читал письмо моей малограмотной старухи матери, которая простыми, душевными словами описывала Ваше посещение к ней. После этого у меня как бы прибавилось энергии, и я буду с большей силой бить врага» [1, с. 199].

По мере продвижения воинских частей на Запад, в письмах содержатся описания освобождаемых территорий: «Видел развалины города Смоленска. Этот город почти полностью сожжен немецким гадом, и ты знаешь, какой ненавистью кипит сердце, когда видели вместо деревни или города одни

кирпичи, но мы отплатим» [1, с. 100]. «В настоящее время нахожусь далеко от Ленинграда, Эстонская ССР свободна. Много, конечно, здесь интересного и нового... Таллин – довольно красивый и культурный город. В общем, здесь начинается новая жизнь» [1, с. 10]. «Уже больше трех месяцев все в наступлении, в боях. Нам выпала честь одним из первых вступить в Белоруссию» [1, с. 33]. «Сейчас мы опять участвуем в одной интересной операции, зашли вновь к немцу в тыл, теперь он у нас остался далеко с востока, почти окружен, но нужно сказать, что немец старается цепляться за каждый клочок земли, но в Белоруссии для нас благодатные условия: сплошные леса и болота, широко развита партизанщина, но одно плохо, погода здесь весьма странная, не поверите – в январе месяце идет настоящий дождь, причем очень переменчивая погода, то дождь, то мороз, в результате чего наступает гололедица...» [1, с. 41]. «Еще при подъезде к Сталинграду можно сказать, что битва была жестокой. Об этом свидетельствуют разрушенные деревни, ссеченные снарядами верхушки деревьев, оборванные провода связи, огромные воронки, свидетельствующие о бомбежке. Огромное количество трупов» [1, с. 98].

В письмах, написанных бойцами в конце Великой Отечественной войне, когда боевые действия переместились за пределы Советского Союза, встречаются наблюдения о жизни в других странах. Вот некоторые из таких зарисовок: «Данное письмо пишу Вам из-за границы, из Польши, вот и претворяются мои детские мечты – побывать в других странах, посмотреть, как живут другие народы... Поляки в основном встречают нас приветливо, радушно, чувствуется, что они действительно ненавидят всей душой немцев... Очень интересно наблюдать, как иногда семейка фермеров во главе с отцом семейства выходят на дорогу посмотреть на проходящую Красную Армию. В Польше очень распространена система хуторов. Каждый любит жить отдельно, около своего клочка земли. В городах частные магазины с очень вежливыми приказчиками» [1, с. 42]. Так выглядела Германия в феврале – марте 1945 г.: «Нахожусь я сейчас на германской территории. Что представляет из себя она? Дороги буквально засыпаны различным домашним скарбом. Здесь и перины, и кастрюли всевозможных размеров, и ручные тележки, и велосипеды поломанные и исправные – все это следы поспешного бегства помощников «завоевателей мира» [1, с. 195]; «Кого только не встретишь здесь. И наши хлопцы и девчата, угнанные во время оккупации, и пленные разных национальностей, тут и французы, и англичане, и американцы. И всяких других категорий люди, познавшие немцев на своей шкуре, всего не опишешь» [1, с. 200]. А так уже в мае 1945 г.: «Итак, свершилось великое историческое событие. Сегодня, 2 мая, в 5 часов утра под ударами наших войск пал Берлин. А в 14 часов я разъезжал по

центральной улице Берлина – Бисмаркштрассе. Печальное зрелище представляет Берлин. Некоторые улицы почти сплошные развалины. Буквально нет ни одного неповрежденного здания. Но, глядя на это зрелище, можно сказать только одно, чем хуже, тем лучше. Так скорее, на многие десятилетия, немцы будут отучены воевать. Когда я ехал к центру Берлина, навстречу мне тянулись колонны пленных немцев. Их было тысячи, и среди них либо пожилые, либо «зеленые» юнцы. Средних возрастов почти нет. Видимо, это последние резервы. Война истребила многие миллионы немцев, и горе-правители фашистской Германии в веках найдут себе худую славу» [1, с. 145].

Важным фактором, ограничивавшим содержание письма, была военная цензура. Идеологические ограничения, как правило, предопределяли специфику человеческих отношений военных лет, что влияло на содержание конкретных фронтовых писем. Наибольшей достоверностью отличались личные письма: они не предназначались для публикации и не направлялись в правительственные учреждения, хотя, понятно, что и они подвергались просмотру. Сами солдаты и офицеры, конечно же, прекрасно знали о том, что их письма прочитываются. Поэтому в личных письмах в той или иной мере имел место и элемент самоцензуры. Так, один из авторов в своем письме прямо об этом говорит: «В письме я о своих чувствах ничего не пишу. Во-первых, оно прочитывается цензурой, во-вторых, лучше сдерживаться, иначе трудно жить» [1, с. 82]. Одной из запретных тем было упоминание названий сел и городов, воинских частей, где находились авторы писем. Однако к концу войны, когда ее исход был абсолютно ясным и до Победы оставались считанные дни, цензура позволила себе расслабиться, в связи с чем в одном из писем сохранились такие строки: «Вчера я был в Берлине. Да простит мне военная цензура, что я этот город называю своим именем, ибо наше пребывание в Берлине настолько имеет большое историческое значение, что об этом трудно умолчать» [1, с. 144].

Исследователи военной повседневности отмечают, что «источниками для изучения фронтового быта могут служить как официальные документы, так и источники личного происхождения (письма, дневники, мемуары, воспоминания). Нередко документы личного происхождения и результаты интервьюирования не просто корректируют данные официальных источников, но и содержат прямо противоположную информацию и оценки» [2, с. 202]. Знакомство с содержанием писем сборника документов показывает, что фронтовые письма – очень интересный и ценный источник изучения не только военной повседневности. Они являются носителями особой информации, важной для анализа психологии военного времени и эволюции личности в условиях экстремальных ситуаций.

-
1. Письма с фронта. 1941-1945 гг. : Сборник документов / Сост. Д.И. Ибрагимов и др. – Казань : Гасыр, 2010. – 232 с.
 2. Сенявский, А.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы / А.С. Сенявский, Е.С. Сенявская // 65 лет Великой Победы: в 6 т. / под общ. ред. С.Е.Нарышкина, акад. А.В.Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – М. : МГИМО – Университет, 2010. – Т. 3: Победа – 2010. – 360 с.